

КУКОЛЬНЫЙ ДОМ

1879, выдержки Дятловых от 08.12.2022, 1–5/114=96%

1. Никаких долгов! Никогда не занимать! На домашний очаг, основанный на займах, на долгах, ложится какая-то некрасивая тень зависимости.
2. **Хельмер (улыбаясь):** Конечно, то есть если бы ты в самом деле могла придержать эти деньги и потом действительно купить на них что-нибудь себе самой. А то и они уйдут на хозяйство, на разные ненужные мелочи, и мне опять придется раскошелиться. **Нора:** Ах, Торвальд... **Хельмер:** Тут спорить не приходится, милочка моя. **(Обнимает ее.)** Птичка мила, но тратит ужасно много денег. Просто невероятно, как дорого обходится мужу такая птичка. **Нора:** Фу! Как можно так говорить! Я же экономлю сколько могу. **Хельмер (весело):** Вот уж правда истинная! Сколько можешь. Но ты совсем не можешь. **Нора (напевает и улыбается).** Гм! Знал бы ты, сколько у нас, жаворонков и белочек, всяких расходов, Торвальд!
3. **Нора:** Ничего, стало быть? **Фру Линне:** Ничего. Даже ни горя, ни сожалений, чем можно было бы питать память.
4. **Нора:** Нет, сначала ты. Сегодня я не хочу быть эгоисткой. Хочу думать только о твоих делах. Но одно все-таки мне надо сказать тебе. Знаешь, какое счастье привалило нам на днях?
5. Ах, Кристина, у меня так легко стало на сердце, я так счастлива! Ведь это же чудесно иметь много-много денег и не знать ни нужды, ни забот. Правда? **Фру Линне:** Да, во всяком случае, должно быть, чудесно иметь все необходимое. **Нора:** Нет, не только необходимое, но много-много денег. **(Вскакивая и хлопая в ладоши.)** О господи, Кристина, как чудесно жить и чувствовать себя счастливой!
6. **Нора:** Так у тебя теперь легко на душе... **Фру Линне:** Не скажу. Напротив, страшно пусто. Не для кого больше жить.
7. **Нора:** Ты все смотришь на меня свысока, Кристина. А это напрасно. Ты гордишься, что несла такой тяжелый, долгий труд ради своей матери... **Фру Линне:** Я, право, ни на кого не смотрю свысока. Но верно — я горжусь и радуюсь, вспоминая, что мне выпало на долю облегчить остаток дней моей матери. **Нора:** Ты гордишься также, вспоминая, что сделала для братьев. **Фру Линне:** Мне кажется, я вправде.
8. **Фру Линне:** Да жена ведь не может делать долгов без согласия мужа.
9. **Фру Линне:** И ты до сих пор не призналась мужу? **Нора:** Нет, боже избави, что ты! Он такой строгий по этой части. И кроме того, с его мужским самолюбием... Для него было бы так мучительно, унизительно узнать, что он обязан мне чем-нибудь. Это перевернуло бы вверх дном все наши отношения. Наша счастливая семейная жизнь перестала бы тогда быть тем, что она есть.
10. **Фру Линне:** Так тебе, верно, приходилось отказывать себе самой, бедняжка? **Нора:** Понятно. Ведь я же была больше всех заинтересована! Торвальд даст, бывало, мне денег на новое платье и тому подобное, а я всегда истрачу только половину. Все подешевле да попроще покупала. Счастье еще, что мне все к лицу и Торвальд никогда ничего не замечал. Но самой-то мне иной раз бывало нелегко, Кристина. Ведь это такое удовольствие хорошо одеваться! Правда?
11. **Нора:** Ну, были у меня, конечно, и другие источники. Прошлой зимой повезло, я получила массу переписки. Каждый вечер запиралась у себя в комнате и писала, писала до поздней ночи. Ах, иной раз до того, бывало, устанешь! Но все-таки ужасно приятно было сидеть так и работать, зарабатывать деньги. Я чувствовала себя почти женщиной.
12. **Фру Линне:** Я приехала сюда искать работы. **Ранк:** Что же, это особенно верное средство от переутомления? **Фру Линне:** Жить ведь надо, доктор.
13. **Ранк:** Да, как-то принято думать, будто это необходимо. **Нора:** Ну, знаете, доктор!.. И вы ведь тоже не прочь пожить. **Ранк:** Ну да, положим. Как мне ни плохо, я все-таки готов жить и мучиться как можно дольше. И все мои пациенты тоже. И все нравственные калеки то же самое. Сейчас вот один такой сидит у Хельмера...

14. **Нора:** Со... (Детям тихо.) Ступайте к Анне-Мариин. Что? Нет, чужой дядя ничего худого не сделает маме. Когда он уйдет, мы поиграем еще. (Выводит детей в комнату налево и запирает за ними дверь. С беспокойством, напряженно.) Вы хотите поговорить со мной?
15. **Нора (ходит взад и вперед по комнате):** Я полагаю, нам можно все-таки иметь некоторое влияние. Из того, что родишься женщиной, вовсе не следует еще... И в положении подчиненного, господин Кругстад, вам, право, следовало бы остерегаться задевать,
16. Это было бы бессовестно с вашей стороны. (Со слезами в голосе.) Как? Он узнает эту тайну — мою гордость и радость — таким грубым, пошлым образом — от вас? Вы хотите подвергнуть меня самым ужасным неприятностям!..
17. **Нора:** Вы... Вы хотите уверить меня, будто вы могли отважиться на что-нибудь такое, чтобы спасти жизнь вашей жены? **Кругстад:** Законы не справляются с побуждениями. **Нора:** Так плохие, значит, это законы. **Кругстад:** Плохие или нет, но, если я представлю эту бумагу в суд, вас осудят по законам. **Нора:** Ни за что не поверю. Чтобы дочь не имела права избавить умирающего старика отца от тревог и огорчения? Чтобы жена не имела права спасти жизнь своему мужу? Я не знаю точно законов, но уверена, что где-нибудь в них да должно быть это разрешено. А вы, юрист, не знаете этого! Вы, верно, плохой законник, господин Кругстад!
18. **Хельмер:** Он провинился в подлоге. Ты имеешь представление о том, что это такое? **Нора:** Не из нужды ли он это сделал? **Хельмер:** Да, или, как многие, по легкомыслию. И я не так бессердечен, чтобы бесповоротно осудить человека за один такой проступок. **Нора:** Да, не правда ли, Торвальд? **Хельмер:** Иной павший может вновь подняться нравственно, если откровенно признается в своей вине и понесет наказание. **Нора:** Наказание? **Хельмер:** Но Кругстад не пошел этой дорогой. Он вывернулся всякими правдами и неправдами, и это погубило его нравственно. **Нора:** По-твоему, надо было... **Хельмер:** Ты представь себе только, как человеку с таким пятном на совести приходится лгать, изворачиваться, притворяться перед всеми, носить маску, даже перед своими близкими, даже перед женой и собственными детьми. И вот насчет детей — это всего хуже, Нора.
19. **Хельмер:** Потому что отравленная ложью атмосфера заражает, разлагает всю домашнюю жизнь. Дети с каждым глотком воздуха воспринимают зародыши зла. **Нора (приближаясь к нему сзади):** Ты уверен в этом? **Хельмер:** Ах, милая, я достаточно в этом убеждался в течение своей адвокатской практики. Почти все рано сбившиеся с пути люди имели лживых матерей. **Нора:** Почему именно матерей? **Хельмер:** Чаще всего это берет свое начало от матери. Но и отцы, разумеется, влияют в том же духе. Это хорошо известно всякому адвокату. А этот Кругстад целые годы отравлял своих детей ложью и лицемерием, вот почему я и называю его нравственно испорченным. (Протягивая к ней руки.) Поэтому пусть моя милочка Нора обещает мне не просить за него. Дай руку, что обещаешь. Ну-ну, что это? Давай руку. Вот так. Значит, уговор. Уверяю тебя, мне просто невозможно было бы работать вместе с ним; я испытываю прямо физическое отвращение к таким людям.
20. **Нора:** Нет, вчера он как-то особенно... Впрочем, он ведь страдает очень серьезной болезнью. У бедняги сухотка спинного мозга. Надо тебе сказать, отец у него был отвратительный человек, держал любовниц и все такое. Вот сын и уродился таким хворым, понимаешь?
21. Но с доктором Ранком я часто разговариваю обо всем таком. Он, видишь ли, любит слушать.
22. Да, я не скрою от тебя: мы с ним даже на «ты». И он настолько бестактен, что и не думает скрывать этого при других. Напротив, он полагает, что это дает ему право быть фамильярным, он то и дело козыряет своим «ты»: «ты, Хельмер». Уверяю тебя, это меня в высшей степени коробит. Он в состоянии сделать мое положение в банке прямо невыносимым.
23. **Хельмер:** Что такое ты говоришь? Мелочные? По-твоему, я мелочный человек? **Нора:** Нет, напротив, милый Торвальд. И вот потому-то... **Хельмер:** Все равно. Ты называешь мои побуждения мелочными, так, видно, и я таков. Мелочен! Вот как!.. Ну, надо положить всему этому конец.
24. Хельмер со своею утонченною натурою питает непреодолимое отвращение ко всякому безобразию. Я не допущу его к своему одру...

25. **Ранк:** Да, честное слово, только и остается смеяться надо всем этим. Моему бедному неповинному спинному мозгу приходится расплачиваться за веселые деньки офицерской жизни моего отца!
26. **Нора:** И на всякие там портвейны да шампанское. Обидно, что все эти вкусные вещи непременно отзываются на спинном хребте. **Ранк:** И в особенности обидно, что они отзываются на злополучном хребте того, кто и не вкусил ни капельки от этих благ!
27. **Ранк (вставая):** А вы еще лукавее, чем я думал. **Нора:** Меня сегодня так и подмывает выкинуть что-нибудь такое...
28. **Ранк (по-прежнему):** Уйти, не оставив даже сколько-нибудь благодарного воспоминания, хотя бы даже мимолетного сожаления... ничего, кроме пустого места, которое может быть занято первым встречным.
29. **Крогстад (понижив голос):** Когда я потерял вас, у меня как будто почва выскользнула из-под ног. Взгляните на меня: я похож на потерпевшего крушение, выплывшего на обломке судна.
30. **Фру Линне:** Я научилась слушаться голоса рассудка. Жизнь и суровая, горькая нужда выучили меня. **Крогстад:** А меня жизнь выучила не верить словам. **Фру Линне:** Так жизнь выучила вас весьма разумной вещи. Ну а делам вы ведь все-таки верите?
31. **Фру Линне:** И я тоже вроде женщины, потерпевшей крушение и выплывшей на обломке. Некого жалеть, не о ком заботиться! **Крогстад:** Сами выбрали себе долю.
32. **Фру Линне:** Без работы, без труда мне не прожить. Всю свою жизнь, насколько помню себя, я трудилась, и труд был моей лучшей и единственной отрадой. Но теперь я осталась одна как перст... Страшно пусто, одиноко... Работать для себя одной мало радости. Крогстад, дайте мне цель — для чего и для кого работать.
33. **Фру Линне:** Мне надо кого-нибудь любить, о ком-нибудь заботиться, заменять кому-нибудь мать, а вашим детям нужна мать. Мы с вами нужны друг другу. Крогстад, я верю, что основа у вас хорошая; и с вами вместе я на все готова.
34. **Фру Линне:** Крогстад! Кто раз продал себя из-за других, не сделает этого во второй раз.
35. **Хельмер (ходит взад и вперед):** Мы так сжились с ним. Я как-то не могу себе представить, что его не будет. Он, его страдания, его одиночество создавали какой-то легкий облачный фон нашему яркому, как солнце, счастью... Ну а может быть, оно и к лучшему. Для него, во всяком случае. **(Останавливается.)** Да, пожалуй, и для нас, **Нора:** Теперь мы с тобой будем одни — всецело друг для друга. **(Обнимая ее.)** Моя любимая... Мне все кажется, что я недостаточно крепко держу тебя. Знаешь, Нора... не раз мне хотелось, чтобы тебе грозила неминуемая беда и чтобы я мог поставить на карту свою жизнь и кровь — и все, все ради тебя.
36. **Хельмер:** Ты права. Это взволновало нас обоих. В наши отношения вторглось нечто некрасивое — мысль о смерти, о разложении. Надо сначала освободиться от этого. Пока что разойдемся каждый к себе.
37. **Хельмер (шагая по комнате):** О, какое ужасное пробуждение! Все эти восемь лет... она, моя радость, моя гордость... была лицемеркой, лгуньей... хуже, хуже... преступницей! О, какая бездонная пропасть грязи, безобразия! Тьфу! Тьфу! Нора молчит и по-прежнему не отрываясь глядит на него. **(Останавливается перед ней.)** Мне бы следовало предчувствовать возможность подобного. Следовало предвидеть. Все легкомысленные принципы твоего отца... Молчи. Ты унаследовала все легкомысленные принципы своего отца. Ни религии, ни морали, ни чувства долга... О, как я наказан за то, что взглянул тогда на его дело сквозь пальцы. Ради тебя. И вот как ты меня отблагодарила.
38. **Хельмер:** Это до того невероятно, что я просто опомниться не могу. Но придется постараться как-нибудь выпутаться. Сними шаль. Сними, говорю тебе! Придется как-нибудь ублажить его. Дело надо замять во что бы то ни стало. А что касается нас с тобой, то нельзя и виду подавать: надо держаться, как будто все у нас идет по-старому. Но это, разумеется, только для людей. Ты, значит, останешься в доме, это само собой. Но детей ты не будешь воспитывать. Я не смею доверить их тебе... О-о! И это мне приходится говорить той, которую я так любил и которую еще... Но этому конец. Отныне нет уже речи о счастье, а только о спасении остатков, обломков, декорума!

39. **Хельмер:** Ты любила меня, как жена должна любить мужа. Ты только не смогла хорошенько разобраться в средствах. Но неужели ты думаешь, что я буду меньше любить тебя из-за того, что ты не способна действовать самостоятельно? Нет, нет, смело обопрись на меня, буду твоим советчиком, руководителем. Я не был бы мужчиной, если бы именно эта женская беспомощность не делала тебя вдвое милее в моих глазах. Ты не думай больше о тех резких словах, которые вырвались у меня в минуту первого испуга, когда мне показалось, что все вокруг меня рушится. Я простил тебя, Нора. Клянусь тебе, я простил тебя.
40. **Хельмер (у дверей):** Да, да, хорошо. И постарайся успокоиться, прийти в себя, моя бедная напуганная певунья-пташка. Обопрись спокойно на меня, у меня широкие крылья, чтобы прикрыть тебя. **(Ходит около дверей.)** Ах как у нас тут славно, уютно, Нора. Тут твой приют, тут я буду лелеять тебя, как загнанную голубку, которую спас невредимой из когтей ястреба. Я сумею успокоить твое бедное трепещущее сердечко. Мало-помалу это удастся, Нора, поверь мне. Завтра тебе все уже покажется совсем иным, и скоро все пойдет опять по-старому, мне не придется долго повторять тебе, что я простил тебя. Ты сама почувствуешь, что это так. Как ты можешь думать, что мне могло бы теперь прийти в голову оттолкнуть тебя или даже хоть упрекнуть в чем-нибудь? Ах, ты не знаешь сердца настоящего мужа, Нора. Мужу невыразимо сладко и приятно сознавать, что он простил свою жену... простил от всего сердца. Она от этого становится как будто вдвойне его собственной — его неотъемлемым сокровищем. Он как будто дает ей жизнь вторично. Она становится, так сказать, и женой его, и ребенком. И ты теперь будешь для меня и тем и другим, мое беспомощное, растерянное созданище. Не бойся ничего, Нора, будь только чистосердечна со мной, и я буду и твоей волей, и твоей совестью... Что это? Ты не ложишься? Переоделась?
41. **Нора:** В том-то и дело. Ты меня не понимаешь. И я тебя не понимала... до нынешнего вечера. Нет, не прерывай меня. Ты только выслушай меня... Сведем счеты, Торвальд.
42. **Нора:** Я не говорю о деловых заботах. Я говорю, что мы вообще никогда не заводили серьезной беседы, не пытались вместе обсудить что-нибудь, вникнуть во что-нибудь серьезное.
43. **Хельмер:** Ну, милочка Нора, разве это было по твоей части?
44. **Нора:** Вот мы и добрались до сути. Ты никогда не понимал меня... Со мной поступали очень несправедливо, Торвальд. Сначала папа, потом ты.
45. **Нора (качая головой):** Вы никогда меня не любили. Вам только нравилось быть в меня влюбленными.
46. **Нора (невозмутимо):** Я хочу сказать, что я из папиных рук перешла в твои. Ты все устраивал по своему вкусу, и у меня стал твой вкус, или я только делала вид, что это так, — не знаю хорошенько. Пожалуй, и то и другое. Иногда бывало так, иногда этак. Как оглянусь теперь назад, мне кажется, я вела здесь самую жалкую жизнь, перебиваясь со дня на день!.. Меня поили, кормили, одевали, а мое дело было развлекать, забавлять тебя, Торвальд. Вот в чем проходила моя жизнь. Ты так устроил. Ты и папа много виноваты передо мной. Ваша вина, что из меня ничего не вышло.
47. **Хельмер:** Нора! Какая нелепость! Какая неблагодарность! Ты ли не была здесь счастлива?
Нора: Нет, никогда. Я воображала, что была, но на самом деле никогда этого не было.
Хельмер: Ты не была... не была счастлива! **Нора:** Нет, только весела. И ты был всегда так мил со мной, ласков. Но весь наш дом был только большой детской. Я была здесь твоей куколкой-женой, как дома у папы была папиной куколкой-дочкой. А дети были уж моими куклами. Мне нравилось, что ты играл и забавлялся со мной, как им нравилось, что я играю и забавляюсь с ними. Вот в чем состоял наш брак, Торвальд.
48. **Нора:** Нет, ты рассудил правильно. Эта задача не по мне. Мне надо сначала решить другую задачу. Надо постараться воспитать себя самое. И не у тебя мне искать помощи. Мне надо заняться этим одной. Поэтому я ухожу от тебя.
49. **Хельмер:** Покинуть дом, мужа, детей! И не подумаешь о том, что скажут люди? **Нора:** На это мне нечего обращать внимания. Я знаю только, что мне это необходимо.
50. **Нора:** Обязанности перед самой собою. **Хельмер:** Ты прежде всего жена и мать. **Нора:** Я в это больше не верю. Я думаю, что прежде всего я человек, так же как и ты, или, по крайней мере, должна постараться стать человеком. Знаю, что большинство будет на твоей стороне,

Торвальд, и что в книгах говорится в этом же роде. Но я не могу больше удовлетворяться тем, что говорит большинство и что говорится в книгах. Мне надо самой подумать об этих вещах и попробовать разобраться в них.

51. **Хельмер:** Как будто твое положение в собственном доме не ясно и без того? Да разве у тебя нет надежного руководства по таким вопросам? Нет религии? **Нора:** Ах, Торвальд, я ведь не знаю хорошенько, что такое религия. **Хельмер:** Что ты говоришь? **Нора:** Я знаю это лишь со слов пастора Хансена, у которого готовилась к конфирмации. Он говорил, что религия то-то и то-то. Когда я высвобожусь из всех этих пут, останусь одна, я разберусь и в этом. Я хочу проверить, правду ли говорил пастор Хансен или, по крайней мере, может ли это быть правдой для меня. **Хельмер:** Нет, это просто неслыханно со стороны такой молоденькой женщины! Но если тебя не может вразумить религия, так дай мне задеть в тебе хоть совесть. Ведь нравственное-то чувство в тебе есть? Или — отвечай мне — и его у тебя нет? **Нора:** Знаешь, Торвальд, на это нелегко ответить. Я, право, и этого не знаю. Я совсем как в лесу во всех этих вопросах. Знаю только, что я совсем иначе сужу обо всем, нежели ты. Мне вот говорят, будто и законы совсем не то, что я думала. Но чтобы эти законы были правильны — этого я никак не пойму. Выходит, что женщина не вправе пощадить своего умирающего старика отца, не вправе спасти жизнь мужу! Этому я не верю. **Хельмер:** Ты судишь как ребенок. Не понимаешь общества, в котором живешь. **Нора:** Да, не понимаю. Вот и хочу присмотреться к нему. Мне надо выяснить себе, кто прав — общество или я.

52. **Нора:** Да, сумею. Это случилось сегодня вечером, когда чудо заставило себя ждать. Я увидела, что ты не тот, за кого я тебя считала. **Хельмер:** Объяснись получше, я совсем тебя не понимаю. **Нора:** Я терпеливо ждала целых восемь лет. Господи, я ведь знала, что чудеса не каждый день бывают. Но вот на меня обрушился этот ужас. И я была непоколебимо уверена: вот теперь совершится чудо. Пока письмо Кроста лежало там, у меня и в мыслях не было, чтобы ты мог сдать на его условия. Я была непоколебимо уверена, что ты скажешь ему: объявляйте хоть всему свету. А когда это случилось бы... **Хельмер:** Ну, что же тогда? Когда я выдал бы на позор и поругание собственную жену!.. **Нора:** Когда бы это случилось... я была так непоколебимо уверена, что ты выступишь вперед и возьмешь все на себя — скажешь: виновный — я. **Хельмер:** Нора! **Нора:** Ты хочешь сказать, что я никогда бы не согласилась принять от тебя такую жертву? Само собой. Но что значили бы мои уверения в сравнении с твоими?.. Вот то чудо, которого я ждала с таким трепетом. И чтобы помешать ему, я хотела покончить с собой. **Хельмер:** Я бы с радостью работал для тебя дни и ночи, Нора... терпел бы горе и нужду ради тебя. Но кто же пожертвует даже для любимого человека своей честью? **Нора:** Сотни тысяч женщин жертвовали. **Хельмер:** Ах, ты судишь и говоришь как неразумный ребенок. **Нора:** Пусть так. Но ты-то не судишь и не говоришь, как человек, на которого я могла бы положиться. Когда у тебя прошел страх — не за меня, а за себя, — когда вся опасность для тебя прошла, с тобой как будто ничего и не бывало. Я по-старому осталась твоей птичкой, жаворонком, куколкой, с которой тебе только предстоит обращаться еще бережнее, раз она оказалась такой хрупкой, непрочной. **(Встает.)** Торвальд, в ту минуту мне стало ясно, что я все эти восемь лет жила с чужим человеком и прижила с ним троих детей... О-о, и вспомнить не могу! Так бы и разорвала себя в клочья!

Конец текста